

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ПРЕДИКАЦИЯ И ПРЕДИКАТИВНОСТЬ
В СВЕТЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА
СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧИ

А.В. ГайдаMATченко

Аннотация. Статья посвящена исследованию предикации и предикативности как ключевых элементов организации высказывания в языковой структуре. Рассматривается эволюция этих категорий в функциональном синтаксисе, психолингвистике и онтологии познания. Анализируется взаимосвязь предикации с субъектом, его онтологическими свойствами и процессами смыслового восприятия. Предикативность трактуется как глубинный принцип организации информации, выходящий за рамки грамматических и синтаксических структур и охватывающий когнитивные процессы при порождении речи. В статье вводится понятие протопредикационного фактора — структуры, предшествующей предикации и включающей субъект, предсказуемый признак и внешние условия восприятия. Исследование опирается на труды функциональной лингвистики, а также психолингвистики, отечественных и зарубежных исследователей предикации. Особое внимание уделяется связи предикативности с категориями модальности, темпоральности и персональности, а также взаимодействию предикации с механизмами восприятия и смыслового синтаксиса. На основе анализа научной литературы автор приходит к выводу, что предикативность не является глаголоцентричной категорией, не ограничивается лишь грамматической формой сказуемого и может проявляться в коммуникативных стратегиях, интонационных средствах и даже в структурных лакунах высказывания, так как она неразрывно связана как с механизмами предикации и восприятием субъекта, так и с механизмами порождения и восприятия речи.

377

Ключевые слова: предикация, предикативность, психолингвистика, субъект, протопредикационный фактор, коммуникативная структура, порождение речи, функциональная грамматика, онтология, структуры речи.

Для цитирования: ГайдаMATченко А.В. Предикация и предикативность в свете онтологического механизма смысловой организации речи // Преподаватель XXI век. 2025. № 3. Часть 2. С. 377–392. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-3-377-392

© ГайдаMATченко А.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

PREDICATION AND PREDICATIVITY IN THE CONTEXT OF THE ONTOLOGICAL MECHANISM OF SEMANTIC STRUCTURING OF SPEECH

A.V. Gaidamatchenko

Abstract. *This article explores predication and predicativity as key elements in the organization of utterances within linguistic structures. It examines the evolution of these categories in functional syntax, psycholinguistics, and the ontology of cognition. The study analyzes the relationship between predication and the subject, its ontological properties, and the processes of semantic perception. Predicativity is interpreted as a fundamental principle of information organization that extends beyond grammatical and syntactic structures to encompass cognitive processes. The article introduces the concept of the proto-predicational factor — a structure that precedes predication and includes the subject, the predicated attribute, and external conditions of perception. The research is based on the analysis of key works in functional linguistics, psycholinguistics, and the studies of both Russian and international scholars on predication. Special attention is given to the relationship between predicativity and the categories of modality, temporality, and personhood, as well as the interaction of predication with mechanisms of attention and semantic syntax. Based on the analysis of academic literature, the author concludes that predicativity is not a verb-centric category, is not limited to the grammatical form of the predicate, and may be manifested through communicative strategies, intonational means, and even structural gaps within the utterance, as it is inextricably linked to the mechanisms of predication and the subject's perception.*

Keywords: *predication, predicativity, psycholinguistics, subject, proto-predicational factor, communicative structure, speech production, functional grammar, ontology, speech structures.*

Cite as: Gaidamatchenko A.V. Predication and Predicativity in the Context of the Ontological Mechanism of Semantic Structuring of Speech. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2025, No. 3, part 2, pp. 377–392. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-3-377-392

378

Анализ предикативности с грамматической и коммуникативной перспективы

В рамках традиционного подхода принято считать, что предикативность возможна только при наличии глагольной формы, а коммуникативность может существовать и без нее. В традиционном понимании предикативность связывают с наличием **глагола-сказуемого**, его временной и модальной рамкой. Проблема предикативности выступает как центральная часть синтаксиса, предложенная также в концепции К.С. Аксакова, развивающего идеи логицизма в языковой форме [1]. В рамках этого учения предложение должно состоять из трех частей: подлежащего, сказуемого и глагола-связки «**быть**». Такие воззрения утвердились под влиянием универсальной грамматики, где теория трехчленности предложений прочно закрепилась в XIX веке. Аналогично в грамматике А.Х. Востокова прямо сказано, что основа любого предложения включает только две его части, хотя Востоков не отрицает наличие связки (*быть*). Ф.И. Буслаев в признании первостепенной роли сказуемого и первозданности глагольного типа предложения пошел дальше своих предшественников. Согласно Буслаеву, глагол является более наглядным, конкретным

и древним, чем имя, которое обладает значительно большей абстрактностью. «Без сказуемого не может быть суждения», — добавляет Буслаев [2, с. 8].

Буслаев, указывая на существование именных конструкций, связывает их возникновение со свойством глагола превращаться в имя [Там же, с. 27]. Хотя Буслаев осознает различие между логическим и грамматическим строем предложения, но связку он понимает не как самостоятельный отвлеченный образец в построении суждения, а как часть сказуемого. Таким образом, эти ученые придерживаются глаголоцентричной концепции предикативности, в рамках которой сказуемое-глагол — единственный источник предикации, а любые именные или номинативные конструкции наподобие «Весна!» — номинативное именное предложение с эмоционально-экспрессивной функцией. Предложения вроде «Тишина», «Жизнь герою!» — также односоставные и двусоставные именные конструкции, каждая из которых в качестве опорного компонента имеет субстантив — имя существительное или его синтаксический эквивалент, где предикативность выражена вне глагольной формы, через интонацию, учеными подводятся под идеи «опущения», «пропусков», «сокращения» или «исторической замены». Изначально термин «предикативная связь» был введен А.А. Потембей в контексте анализа простого и составного подлежащего и сказуемого. При этом Потембня также рассматривает глагол как основное средство «речевого синтеза» и наделяет его статусом «души» предложения, фактически сближая понятия глагольности, сказуемости и предикативности.

Отношение между подлежащим и сказуемым, впоследствии определенное как предикативная связь либо предикативное отношение, остается недостаточно конкретизированным в лингвистических исследованиях, посвященных этому феномену. Ни в трудах самого И.И. Давыдова, ни в дальнейших работах его последователей (включая Греча, Востокова, Буслаева и других) этот аспект не подвергается детальному разбору и уточнению. Так, А.А. Шахматов рассматривает именные односоставные конструкции как равноправные с другими типами предложений, не находя в них никаких «пропусков». «Односоставными подлежащими предложениями может выражаться и *пожелание* и *приказание*. Это уже не экзистенциальные предложения, но... признавать их неполными не имеем основания», — утверждает Шахматов [3, с. 58]. Его интерпретация предикативной связи во многом соотносится с современной лингвистической концепцией, хотя Шахматов и считает их односоставными. Шахматов определяет предложение не через логико-грамматические отношения, как это делали Буслаев и Потембня, частично подверженные идеям логицизма, а через психологическую и коммуникативную функцию, не абсолютизируя при этом глагол как обязательный центр построения предложения, который в первую очередь должен быть определен с позиции речемыслительного акта, то есть как коммуникативно завершенное высказывание.

Проведенный нами анализ трудов по проблеме предикативности и предикативных отношений показывает, что формальные категории в норме бессодержательны, то есть им ничего не соответствует в сфере исходных смыслов, предшествующих их формальному воплощению. Стоит учесть, что в разных языках аналитического или синтетического типа предикативность выражается разными формальными средствами. Следовательно, одинаковые формальные категории могут быть специфичными для конкретного языка. В разговорной речи мы можем наблюдать высказывание со вполне дифференцированным субъектом и предикатом. Например, одна и та же формальная структура

выражает разные предикативные значения (суждения о действительности): см. *у меня сосед Иван...* (И.С. Тургенев) ср. *Есть у меня сосед и приятель...* (А.Ф. Писемский). Синтаксическая конструкция ([У] + (под). + предикат + имя сущ.) в зависимости от коммуникативной ситуации может иметь несколько предикативных значений: 1) значение места, связанного с говорящим см. «...у *меня* (связка) *гости*»; 2) значение проявления состояния лица «...у *меня* (связка) *грипп*»; 3) аналогичным образом может выражаться говорящим лицом значение обладания, например: *у меня сосед* — *старый большевик* (А. Хайт). Здесь предикативность выражена не эксплицитно, через связку с предлогом [У], ведь ничто не мешает сказать «у меня *есть* сосед», где четко выражается значение обладания лицом, которому принадлежит предмет или в сфере которого он обнаруживается. Можно сравнить с «у меня *сейчас* сосед», где проявляется значение объекта, на близком расстоянии от которого расположен другой предмет или местонахождение предмета в пространстве. Как мы видим, в **экзистенциальных и актуализирующих высказываниях** лексема *сейчас*, выступая в роли обстоятельства может также организовывать предикативные связи. Грамматическая форма и лексический состав не гарантируют ни типа, ни объема предикативного смысла.

Очевидно, что термин «предикативность» нуждается в расширении, ибо это есть то, что делает предложение завершенным и предает ему коммуникативность. Однако до конца еще не понятно, что же делает предикативность такой универсальной категорией.

В.В. Виноградов, ссылаясь на работы Пешковского, использовавшего термин «сказуемость» в значении, близком к тому, который Виноградов вкладывал в понятие предикативности, и интегрировав все предыдущие работы, приходит к выводу, что предикативность — это синтаксическая категория, которая базируется на трех семантических структурах: **времени, лице, модальности** — и всеми своими средствами соотносит содержание предложения с действительностью, являясь, таким образом, сверхкатегорией. С одной стороны, такой подход дал возможность рассматривать широкий спектр новых текстов: от произведений современной массовой коммуникации, в которых разграничение на суждения зачастую носит формальный характер и не осознается говорящими, до просторечных форм; с другой — он открыл путь к признанию грамматически корректными высказываний с ярко выраженной пословично-лозунговой окраской, например: «*Делу время, а потехе минут!*» (И.С. Тургенев). Важно подчеркнуть, что ограничение предикативности исключительно рамками глагольной морфологии представляет собой упрощенное представление: см. *Я читаю, Ты читаешь, Он читал*, — глагольные окончания указывают на время, лицо, модальность. Данные морфологические показатели, по терминологии Пешковского, являются формальными признаками предикативности, то есть глагольными аффиксами сказуемости. Однако мы оказываемся в плену флективной языковой системы, в которой грамматическая форма глагола становится избыточно значимой в описании предикативных структур.

При анализе языкового материала нами было подмечено, что фундаментальным основанием категории предикативности является концептуализация динамического взаимодействия между субъектом и предикативным признаком, выполняющая структурообразующую функцию и обеспечивающая синтаксическую организованность и семантическую целостность высказывания. В лингвистике этот процесс стали обозначать термином «предикация», а возникающее при этом отношение между подлежащим и сказуемым — предикативным.

Ю.С. Степанов пишет, что предикация — «одна из трех основных функций языковых выражений (наряду с номинацией и локацией), акт соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами (в норме — предикатом и его актанатами), с целью отразить “положение дел”, событие, ситуации, действительности; акт создания пропозиции» [4, с. 393]. Можно сделать вывод, что определение Степанова в значительной мере ближе к исходному определению понятия, которое Виноградов выдвигал ранее, согласно которому предикативность — это акт соединения независимых предметов мысли. Следует отметить, что в лингвистической традиции долгое время наблюдалось устойчивое смешение понятий *предикация* и *предикативность*, что в значительной мере затрудняло теоретическое разграничение между процессуальной и результативной сторонами феномена. Л.С. Выготский позже разграничивает понятие внутренней речи и речи эксплицитной: «Внутренняя речь по своему синтаксическому строению почти исключительно предикативна» [5, с. 238]. Внутренняя речь всегда является мыслительным процессом и не обладает номинативным характером [6]. Значительный вклад в осмысление предикации и предикативных отношений был внесен, на наш взгляд, П.К. Анохиным в рамках разработанной им концепции «обстановочной афферентации» [7]. Таким образом, в модально-ситуативных высказываниях, где при помощи интонации и наблюдения визуальной сцены дифференцируются временные и модальные планы. Например, в художественном тексте такое междометное высказывание, как «*Визжу!*» или «*Стой!*», может быть обусловлено категорией «перцептивности», так как это передает субъективный момент наблюдения.

Представляется, что перцептивность не организует предикативную структуру сама по себе, однако, будучи выраженной в интонации, может — пусть и не полно — организовать предикативные отношения с мысленным субъектом. В отличие от предикативности в понимании Л.С. Выготского, которая фиксирует событие в его целом виде, «перцептивность» добавляет к нему компонент субъективного восприятия, которое всегда осуществляется индивидом и фиксируется особыми языковыми средствами (*интонационными, оценочными, модальными, междометными*). Эта мысль также согласуется с представлением о том, что в состав категории предикативности входит синтаксическое лицо и «отношение лица» к моменту произнесенной речи, при этом предикативность не только устанавливает пропозицию, но и указывает на источник информации, так как субъект не просто участвует в событии, а оценивает его. Мы полагаем, что «перцептивность» в разных отношениях к субъекту создает акт предикации.

Трактовка предикативности напрямую влияет на определение состава предикативных категорий в формальном плане. В отечественной лингвистике триада модальности, времени и лица окончательно утвердилась благодаря исследованиям В.В. Виноградова 1940–1950-х годов. Наряду с его трудами данный подход представлен в работах С.И. Ильенко, П.А. Леканта и других исследователей. Подобная трактовка объясняет предикативность через взаимодействие временных характеристик действия, отношения говорящего к сообщаемому и указания на субъект высказывания. Темпоральность в этой системе отвечает за грамматическое время и соотнесенность предиката с моментом речи, модальность фиксирует оценочные и вероятностные характеристики высказывания, персональность является же факультативной и выражает зависимость предиката от категории лица, определяя его ролевую структуру.

Идеи Виноградова вызвали как поддержку, так и критику. Главный аргумент противников заключался в том, что триадное понимание предикативности фактически делает ее синонимом сказуемости и усложняет терминологию. Далее, если предикативность понимается как характеристика, устанавливающая связь содержания предложения с объективной действительностью, а модальность выполняет аналогичную функцию, то возникает сомнение в целесообразности их строгого разграничения.

Наконец, рядом исследователей оспаривалось определение предикативности как свойства, *делающего предложение предложением*, поскольку оно рассматривалось ими как тавтологичное, лишенное конкретного содержания и не вносящее принципиально нового в осмысление его структуры. Таким образом, несмотря на признание значимости концепции Виноградова, ее интерпретация вызвала продолжительные научные споры. Критические замечания на этот счет высказывали также В.Г. Адмони, И.П. Распопов и О.А. Крылова-Самойленко.

В отличие от этой трехкомпонентной модели, Н.Ю. Шведова и Н.С. Валгина предлагают двухчленную концепцию предикативности, исключая персональность как самостоятельную категорию [8]. Согласно их взгляду, предикативность определяется через *модальность* и *темпоральность*, а *персональность* (лицо) рассматривается как производное явление, связанное с синтаксическими и морфологическими особенностями предложения.

Согласно альтернативной точке зрения, высказанной в «академической грамматике», предикативность включает модальность, целевое назначение и актуальное членение предложения, что позволяет связать ее не только с грамматической организацией, но и с прагматической функцией высказывания [11]. В отличие от традиционных взглядов, где предикативность трактуется как категория, связанная исключительно с предложением как синтаксической единицей, в академической грамматике она рассматривается как характеристика высказывания, подчеркивающая его функциональную направленность в акте коммуникации, например: «*Наполним кубок! Меч во длань!*» (В.А. Жуковский). Каждая реплика является самодостаточным высказыванием и носит синтактико-коммуникативный характер, например «*Меч во длань!*» — номинативная конструкция без глагола. Но с точки зрения контекста и интонации это императив и воспринимается как «Возьми меч в руку!». Позже эти идеи будут развиты как коммуникативные регистры, по сути признающие такие предложения как полные двусоставные.

Важным аспектом исследования предикативности является ее связь с уровнями языковой системы. Виноградов определяет ее как семантико-синтаксическую категорию, что подчеркивает ее двойственную природу: с одной стороны, предикативность выражается через синтаксическую структуру предложения, а с другой — через его семантическую организацию. В то же время А.А. Камынина акцентирует внимание на конструктивно-синтаксической природе предикативности, определяя ее как категорию, формирующую внутреннюю структуру предложения. Подход, предложенный М.А. Павловской и В.З. Панфиловым, рассматривает предикативность все еще в логико-грамматическом аспекте, что предполагает ее связь с логической структурой высказывания и категориальными характеристиками предиката [9]. В.В. Бабайцева же трактует предикативность как структурно-семантическую характеристику предложения, совмещающую формальные и смысловые аспекты [10]. Исследуя предикативность, П.А. Лекант указывает на взаимодействие ее с категориями модальности, времени

и лица, которые участвуют в формировании предикативности как признака предложения, и выделяет в качестве главного фактора, определяющего структуру предложения, наличие или отсутствие предикативных отношений. Лекант фактически отграничивает предикативное значение от его отношений.

Предикативность остается сложной и многогранной категорией, различно интерпретируемой в зависимости от теоретической позиции исследователя. Некоторые современные синтаксисты по-прежнему исключают лицо из числа предикативных категорий [8].

Предлагалось и расширение состава предикативных категорий, в частности Г.А. Золотова поднимала вопрос о месте, занимаемом признаком временной локализованности, которая проявляется вне глагола в отношении к категории предикативности: составляет ли он четвертый грамматический компонент этой категории, либо представляет аспекты категории времени, либо должен рассматриваться среди структурно-семантических модификаций моделей предложения [12]. Тем не менее Золотова в работе «Коммуникативная грамматика русского языка» не акцентирует внимание на том, что предикативность должна обязательно обладать спрягаемой формой глагола, ибо только в нем прослеживаются три основные категории, его составляющие: время, лицо, модальность. Золотова утверждает, что даже при отсутствии спрягаемой формы глагола контекст высказывания компенсирует и наводит на недостающее значение [13]. Для решения этой проблемы автор предлагает ввести концепцию «коммуникативных регистров», по сути, стремится доказать, что такие предложения являются двусоставными, но одна их часть не выражена эксплицитно [Там же]. Например: «*Хутор, рожь, перепела. Май. Туман — Май*». (Л.Н. Толстой) — такие высказывания интерпретируются как реализация коммуникативных моделей: репродуктивного и информативного регистра. Из репродуктивного регистра понятно, что недостающие компоненты предложения должны трактоваться как подлежащее, а эксплицитно выраженная часть является сказуемым: [*Здесь, на дворе, сейчас, за окном (есть)*] ...Туман. Из информативного регистра: [*Это сейчас*] Туман [*сейчас*] Май, — где наблюдаемое событие или референт реального мира воспринимается говорящим, мы считаем, что такое восприятие может быть выражено заранее в образе структурной глубинной схемы.

Примечательно, что пишет про предикативность С.М. Колесникова: «**Выражая актуализированную отнесенность к действительности, предикативность** отличает предложение и от такой единицы языка, как слово: предложение *Гроза! Ночь!* с *особой интонацией*, в отличие от лексической единицы «дождь», характеризуется тем, что в его основе лежит отвлеченный образец, обладающий потенциальной способностью относить информацию в план настоящего, прошедшего или будущего времени (*Гроза! — Была гроза. — Будет гроза*)» [14, с. 26]. Заслуживает внимания мысль С.М. Колесниковой о существовании *отвлеченной схемы* — структурного образца, способного дифференцировать признаки, относить высказывание в потенциально возможные планы и быть направленным на актуализацию сообщаемого вне зависимости от того, наблюдается ли событие сейчас или будет наблюдаться в будущем. Кроме того, С.М. Колесникова в качестве формального выразителя категории предикативности рассматривает и интонацию. Такое понимание тесно сближает данную категорию с понятием «предикация» и подводит нас к определению А.М. Пешковского, считающего предложением выражение, в основе которого лежит психологическое суждение, то есть некая глубинная структура, попытки представить которую частично были введены

ранее в грамматике Пор-Рояля, где логическому субъекту предикцируется признак. Отличие глагола от имени, по мнению грамматистов А. Арно и К. Лансло, в его возможности организовывать суждение, но организовать суждение, по мнению авторов, глагол может только субстантивным элементом-связкой, а все другие его свойства лишь акциденции, не участвующие в предикативной связи.

Дело в том, что даже субстантив не всегда может быть ярко выражен в высказывании, как это подчеркивает Г.А. Золотова. В подобных предложениях и субъект, и объект, и предикат целиком входят в одно инкорпорированное целое, передающее высказыванию законченную мысль вне глагольной формы и вне акциденции.

Большинство ученых склонялось к уточнению внутренней дифференциации понятия предикативности, но не отвергало его. Объединить различные точки зрения — трудная задача, в теоретическом синтаксисе эту ситуацию можно сравнить со строительством одного и того же здания несколькими бригадами с разных сторон, без согласованного плана и без общего фундамента. Т.П. Ломтев афористично выразил возобладавшую точку зрения: «То, что обладает свойством предикативности, есть предложение; то, что не обладает этим свойством, не есть предложение» [15, с. 67].

Наше детальное изучение различных типов предложений и их структурных особенностей показало, что при глагольном подходе к анализу данной проблемы значительное число конструкций, обладающих «безглагольной» структурой, остается вне системного рассмотрения: «*Светает. Деревня. Дома, сады*». Подобные безглагольные предложения в русском языке традиционно объяснялись посредством концепций «сокращения», «подразумевания» и «пропуска», но никак не с коммуникативной, а уж тем более когнитивной перспективы.

Впервые данные термины были введены в славистику Н.И. Гречем, а впоследствии получили развитие и поддержку в трудах таких выдающихся исследователей, как А.Х. Востоков, И.И. Давыдов и Ф.И. Буслаев. Их работы способствовали закреплению данных понятий в лингвистической традиции, однако со временем выявились ограничения подобного подхода, что обусловило необходимость пересмотра устоявшихся теоретических положений и поиска новых объяснительных моделей.

Согласно С.М. Колесниковой, если предложение можно отнести во все три плана временного содержания, тогда предикативность должна быть тесно связана с понятийной категорией времени и его представлением различными языковыми структурами (*в частности, синтаксическими*). В соответствии с подходом А.В. Бондарко, временная локализованность рассматривается как компонент предикативности наряду с модальностью и персональностью, поскольку отражает процессы абстрагирования субъектно-объектных и временных характеристик ситуации. На наш взгляд, точка зрения говорящего как центр корреляции содержания высказывания с действительностью особенно значима в свете антропоцентрических тенденций современной лингвистики.

Однако в таких разговорных высказываниях, как «*Едва ли!*», «*Может быть*», отсутствует морфологическая опора для определения значений модальности, времени, лица. Мы полагаем, что высказывания, в основе которых стоит апперцепция или условно ситуативные раздражители, могут иметь внутри себя скрытую предикативную структуру. Из этого следует вывод, что семантические категории, которые актуализируют предикативность в высказывании должны быть существенно расширены. В.В. Виноградов же, наоборот, стремился описать это явление чисто формальными грамматическими

категориями, поэтому предикативность в его трактовке — именно грамматическая категория, а о предикативности как коммуникативной структуре и воплощении организации построения мысли он не упоминает. Иногда вера в то, что о предикативности можно говорить только в тех случаях, когда предикативное значение выражается с помощью формальных средств, приводит синтаксистов к выводам, которые с точки зрения преобладающей теории могут показаться неожиданными. Например, С.Н. Кузнецов утверждает, что в номинативных предложениях (таких как «*Мороз*») предикативности не существует. Однако, несмотря на это, он все же классифицирует их как предложения, поскольку они способны выполнять функцию общения [16, с. 50]. Предикативность представляет собой отчасти коммуникативное, отчасти языковое воплощение более глубинного когнитивного механизма — предикации, которая и является его онтологической первоосновой. Соответственно, предикативность не может быть исчерпывающе описана только на вышеупомянутых категориях, поскольку отражает лишь поверхностный уровень более сложного мыслительного процесса, который требует дополнительного уточнения.

Уточнение понятия предикации

Различные ученые рассматривают предикацию как чисто языковой феномен. Например, в статье чешского лингвиста Ярослава Перегринна “*There is no such thing as predication*” обсуждается природа предикации в языке. Высказывается мысль, что предикация не является процессом, происходящим на ментальном или онтологическом уровне, а представляет собой исключительно грамматическое явление. Я. Перегрин утверждает, что предикация — это сугубо языковая операция, а иллюзия глубины предикации связана с номинативной или эргативной структурой языка, а также различных грамматических способов связи сказуемого и подлежащего, формирующих предикативную структуру [17, с. 33–37].

Однако в отечественной науке предикация трактуется как ментальный акт сознания. Эта точка зрения подтверждается экспериментами Н.И. Жинкина, которые приводят к выводу о существовании внутреннего языка предметной речи [18]. Психологическая реальность предикации также рассматривалась в работах А.А. Леонтьева, посвященных природе предметно-схемного кода [19, с. 76–77].

Для того чтобы прийти к общеизвестной формуле предикативных отношений «субъект есть предикат» ($S \{ \text{есть} \} P$), мы должны пойти от обратного и условиться, что понятие субъекта всегда шире, чем подлежащее. «Субъект» состоит вне суждения в реальном мире. Несмотря на то что понятие «субъект» занимает важное место в философии, психологии и ряде других наук, его интерпретация, особенно в российской психологической традиции, остается неоднозначной. Более того, различные концепции этого термина зачастую противоречат друг другу, что порождает дискуссии между представителями разных теоретических направлений относительно его содержания и границ.

Следует заметить, что подлежащее как синтаксическая категория будет всегда морфологическое, но не всегда логическое. Подлинным субъектом суждения будет всегда объект (референт) реального мира, такой, о котором сообщается (*преддицируется*) лишь одно из его свойств или характеристик. Иначе говоря, субъектом мышления (а не только языкового выражения) является «предмет высказывания» — объект, обладающий признаками, которые могут быть выявлены в пределах конкретного

суждения. Формализованно это может быть выражено квазилогическим образом: «существует (X), такой, что...» — где X представляет собой объект, исчерпываемый определенным множеством свойств в рамках данной мысли или высказывания. Эта позиция соотносится с утверждением Арутюновой: «Составы предложения различны именно по характеру знаковой функции: субъект служит знаковым заместителем предмета действительности, а предикат лишен референции — он его означающее — есть субститут отвлеченного понятия, то есть относит только к своему означаемому. Субъект принадлежит миру, а предикат — мышлению о мире» [20, с. 378].

Уже на этом этапе построения нашей модели предикации нам необходимо сделать уточнение, что *подлинный* субъект есть референт реального мира, он существует независимо от наших суждений. Предикация не может возникнуть из морфологической структуры глагола, но может из особенности мышления, из осознания различия между тем, *что* существует (субъектом) и *что* о нем утверждается (предикатом). Таким образом наше понимание субъектно-предикатных отношений будет ближе к определению по А.В. Смирнову: «Субъект-предикатное конструирование — узловой момент мышления и та решающая точка, в которой раскрывается внутренняя логика мышления и его отношение к действительности» [21, с. 5]. На такой субъект будет всегда воздействовать некая сила, которая может проводить с ним манипуляции, в результате мы можем наблюдать то, что происходит с субъектом посредством наших чувственных ощущений. Запишем это в виде формулы: , где F — сила, зависящая от объективной причины, но в тоже время еще не образующая предикат, так как последний образуется лишь в нашем сознании. *Объективная причина* вместе с F распространяет некоторое действие на субъект; эти три компонента образуют протопредикационный фактор. Мы предлагаем данный термин для упрощения обозначения потенциального субъекта в единой связи с *причиной*, по которой этот субъект осмысливается и доступен нашему пониманию или чувственному восприятию, и той силой, которая воздействует на этот субъект. Когда мы воспринимаем субъект, активируется вся цепь событий. Смысловое восприятие в нашей модели всегда будет восприятием субъекта по А.Р. Лурии: «Полное восприятие предмета возникает как результат сложной аналитико-синтетической работы, выделяющей одни существенные и тормозящей другие несущественные признаки, и комбинирующей воспринимаемые детали в одно осмысленное целое» [22, с. 151]. Л.С. Выготский считал, что внутренняя речь и мышление не совпадают с внешней речью. Он утверждал: сначала возникает «смысл», а потом он «разворачивается» в языковую форму. Однако эксперименты, которые были проведены позднее Р. Томленом и А.В. Мячковым доказывают, что человек сначала смотрит на самый «заметный» элемент в визуальной сцене. Бесспорно, влияет на структуру предложения то, на что обращает внимание индивид, и часто становится субъектом в предложении [23; 24]. От объекта восприятия и воспринимаемой сцены зависит и воплощение предикативности, гомоморфно или изоморфно представленной в языковом содержании.

Что же касается осмысления безличных структур, где процесс или состояния отражены безагентивно и не могут иметь конкретного производителя по своему характеру, например *здесь душно* или *..Еще свежо* (И.С. Тургенев); *Было морозно и ветрено* (М. Горький), то такие структуры безглагольны и имеют предикативность, так как являются восприятием протопредикационного фактора, который может включать в себя репрезентацию локативно-бытийных безличных конструкций, а также датив-

но-субъектные безличные предложения, выражающие состояния лица (*Мне холодно*). Фиксация признака как реакция на внешнее воздействие становится основой для предикации. В отличие от активной субъектной позиции, где субъект осознается как воспринимающий ситуацию, здесь он становится носителем, назовем этот процесс «точкой приложения воздействия». В противоположность безличным конструкциям, где субъект выступает как носитель состояния, в ряде других высказываний субъект, напротив, активно включен в перцептивную или ментальную деятельность, направленную на объект. Например: *Трава (есть) зеленая*, — где (F) — сила и предшествующая этой силе причинность → {Cause} (F, (S)). Согласно нашей формуле, на субъект воздействует два принципиальных фактора: 1) световое излучение; 2) особенность молекулярной структуры. Так как само по себе зрение не может передать траву во всей ее *травности*, чтобы зафиксировать одну из ее сторон, мы должны вынести суждение об объекте нашего внимания.

Человеческое восприятие в целом основано на классификации объектов по признакам. Категоризация и атрибутирование являются фундаментальными механизмами нашего создания. Через зрение человек фиксирует определенные характеристики (цвет, форму), а через механизмы категоризации атрибутирует признак. Следует также отметить появление новых идей после трудов Л.С. Выготского. Так, Т.В. Ахутина высказывает мысль, что мыслительный процесс и смысловой синтаксис формируются за счет смещения фокуса внимания [25]. Вначале в поле восприятия выделяется определенный элемент информации, который мысленно маркируется внутренним словом. «И работа мысли, и смысловой синтаксис связаны с перемещением фокуса внимания: в поле внимания (пресуппозированной, подразумеваемой части информации — топики) выделяется фокус и обозначается внутренним словом (коммент). Это слово становится представителем всего невыраженного поля внимания, в нем находится новый фокус, он оречевляется и первое и второе внутренние слова составляют уже вербально выраженную во внутренней речи “топик-коммент” структуру» [Там же, с. 19].

Смысловое развертывание мысли происходит через «топик-коммент» структуру: сначала выделяется фокус в поле внимания, затем он выражается словами. Существенно, что фокус и восприятие *протопредикационного фактора* образуют «протопредикационную структуру», которая является основой смыслового и семантического синтаксиса. При развертывании данной структуры в высказывании заявляют о себе, в частности, устойчивые формы разложения ситуации, такие как субъект, действие, объект, признак, а также их положение в фокусе / вне фокуса внимания, что составляет глубинную протопредикационную структуру, которая функционирует как семантико-когнитивное основание предикации, заменяя собой традиционное грамматическое понимание предикации как функции исключительно глагольной связки (**быть**).

Бахтин, характеризуя глубинную структуру высказывания, утверждал: «Когда мы строим свою речь, нам всегда предносится целое нашего высказывания: и в форме определенной жанровой схемы, и в форме индивидуального речевого замысла. Мы не нанизываем слова, не идем от слова к слову, а как бы заполняем нужными словами целое» [26, с. 266]. Работы Дж. Брунера, П. Гринфилд и особенно Э. Бейтс позволили соотнести синтаксис внутренней речи («смысловый синтаксис», по Л.С. Выготскому) с членением “topic-comment” и связать его с механизмами внимания, «фокуса» [25; 27, с. 150; 28]. Однако *протопредикационная*

структура — это еще не предикация в классическом смысле. Если мы допускаем, что *протопредикационная структура* связана с *протопредикационным фактором*, тогда представляется очевидным, что из нее будут получаться различные отношения. «Фокус» участвует в формировании протопредикационной структуры, он будет являться одним из элементов механизма, описанного П.К. Анохиным как обстановочная афферентация. На наш взгляд, в зависимости от того, что является предметом дискурса и что непосредственно наблюдает индивид, протопредикационный фактор и протопредикационная структура будут иметь антицендентальные отношения, из которых впоследствии получится естественная предикация. Данное утверждение находит отклик в работах Ч.С. Пирса, который, опираясь на труды модистов, определяет естественную предикацию как такую форму предикации, при которой субъект и предикат связаны по своей природе [29, с. 153–154]. Что же касается второго типа предикации, где отсутствует онтологическое обоснование, например суждения «*Единороги красивые*» или «*Добро всегда побеждает зло*», мы можем сказать, что такие высказывания сохраняют предикативную структуру, поскольку опираются на внутреннюю модель субъекта и атрибутируемого признака. *Протопредикационная структура* как аналог доязыковой когнитивной основы будущего высказывания, в котором всегда будут заложены субъект и признак, а также причинно-перцептивный контекст (условия, при которых субъект воспринимается как носитель этого признака), будет так или иначе видовым понятием естественной предикации, так как в первую очередь основана на внутреннем знании. Несмотря на то что в современной науке существует значительное количество исследований, посвященных творческому характеру языка и его продуктивной способности конструировать новые смыслы, образы и концепты, тем не менее даже это языковое творчество не является произвольным или полностью оторванным от реальности. Всякое языковое творчество в построении суждения, каким бы оригинальным оно ни было, является частью естественной предикации и осуществляется в пределах тех базовых предикационных механизмов, которые изначально обусловлены взаимодействием человека с реальностью — в ее чувственном, телесном и перцептивном аспектах. Естественная предикация есть основа любого языкового творчества. Е.П. Денисова также различает актуальную и потенциальную предикацию, где первая представляет собой индивидуальный мыслительный акт, включенный в коммуникативную ситуацию, а вторая — виртуальная, типовая модель, то есть как готовый образец для выражения предикации. Таким образом, ученый выделяет два смысла высказывания: 1) смысл как набор значений и отношений, заданных языковой структурой; 2) смысл, реализованный в конкретном общении, учитывающий контекст и ситуацию.

Естественная предикация как набор отношений проявляется различными способами в глаголе и не только, например в русском — для рефлексива (*бриться, мыться*), реципрока (*обниматься*), а также для удаления одного участника в антантной структуре (*Рабочие построили дом. Рабочие построились* (разг. «закончили»)). На уровне языкового выражения протопредикационная структура в акцидентальном отношении может проявляться в виде нескольких значений: как правило, это значение рефлексивности и реципрокности. Именительный (глубинный) падеж может рассматриваться также, как составной элемент предикативности, поскольку именно он маркирует субъект

в прототипичной структуре предложения, так как предикация в протопредикационной структуре требует идентификации субъекта, находящегося в фокусе внимания и получающего предикативное определение. Формирование пропозиции зависит от отношений *протопредикационного* фактора как объективного положения дел, данного нам в ощущениях, и особого механизма фокуса, глубинного падежа, и главным образом от отношений между *протопредикационным* фактором и его структурой, позволяющих организовать систему предикативных связей в самом языке.

Заключение

Как показывает анализ научной литературы по исследуемой нами проблеме, традиционный подход к рассмотрению предикативности через триаду модальности, темпоральности и персональности дополнен теорией психолингвистической предикативности, согласно которой предикативность рассматривается не только как грамматическая категория, но и как механизм концептуализации информации в процессе мышления [7; 9; 30]. Значительное развитие также получила идея прагматической предикативности, где предикативность трактуется в связи с коммуникативной целенаправленностью высказывания, его актуальным членением и ролевыми структурами [1; 3; 27; 29].

Современные исследования [14; 21; 24; 28; 30; 31] показывают, что предикативность следует трактовать несколько шире. Во-первых, она не ограничивается грамматической формой сказуемого и может проявляться в коммуникативных стратегиях, интонационных средствах и даже в структурных лакунах высказывания [13; 31]. Во-вторых, предикативность может существовать на нескольких уровнях: когнитивном, синтаксическом и дискурсивном, — что подтверждается исследованиями смысловой организации высказываний [31]. В-третьих, современные работы демонстрируют, что категория предикативности тесно связана с процессами фокусирования внимания и когнитивного моделирования реальности, что подтверждается психолингвистическими экспериментами [22–25; 28]. В нашей работе также затрагивалась идея «протопредикационной структуры». Зачастую воплощение предикативных отношений невозможно без кодирования субъекта формой «глубинного падежа» как универсальной семантической роли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 264 с.
2. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Репр. изд. 1858 г. М.: Директ-Медиа, 2014. 339 с.
3. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: УРСС, 2001. 624 с.
4. Степанов Ю.С. Предикация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 393–394.
5. Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО Пресс, 2000. 1008 с.
6. Леонтьев А.А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения языком. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 56–66.
7. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Психология, 1980. 216 с.
8. Шведова Н.Ю. Входит ли лицо в круг синтаксических категорий... // Русский язык за рубежом. 1971. № 4. С. 48–56.

9. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971. 232 с.
10. Бабайцева В.В. Избранное. 2005–2010: сб. науч. ст. / под ред. К.Э. Штайн. М.; Ставрополь: СГУ, 2010. 400 с.
11. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1 / под ред. Шведовой Н.Ю. М.: Наука, 1980. 783 с.
12. Золотова Г.А. К понятию предикативности // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л.: Наука, 1975. С. 147–154
13. Золотова Г.А., Онищенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 2004. 544 с.
14. Колесникова С.М. Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность: учебное пособие. М.: МПГУ, 2016. 288 с.
15. Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. 2-е изд. М.: URSS, 2019. 166 с.
16. Кузнецов С.Н. Теоретическая грамматика датского языка. Синтаксис. М.: Наука, 1984. 224 с.
17. Peregrin J. There is No Such Thing as Predication // Conceptus. 2011. Vol. 40. No. 97. P. 29–51.
18. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
19. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
20. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логикосемантические проблемы. М.: Наука, 1976. 384 с.
21. Смирнов А.В. Пропозиция и предикация // Философский журнал. 2016. № 1. С. 5–24.
22. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2020. 384 с.
23. Tomlin R.S. Focal Attention, Voice, and Word Order: An Experimental, Cross-Linguistic Study // Word Ord. Discourse. 1995. Vol. 30. P. 517–554.
24. Мячиков А.В., Шенерс К. Роль визуального внимания в выборе структуры предложения при порождении речевого высказывания // Когнитивные исследования. 2012. Вып. 5. С. 138–159.
25. Ахутина Т.В. Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967–2005 // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 13–27.
26. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
27. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. 349 с.
28. Брунер Дж. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. С. 21–50.
29. Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики. Grammatica speculativa» // Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 151–210.
30. Лекант П.А. Безлично-инфинитивные предложения в современном русском языке // Отечественная филология. 2017. № 4. С. 18–25.
31. Денисова Е.П. Значение и смысл предикативного отношения (на материале русского, английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013. 19 с.

REFERENCES

1. *Teoriya funkcionalnoj grammatiki: Temporalnost. Modalnost* [Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality], ed. by A.V. Bondarko. Leningrad, Nauka, 1990, 264 p. (in Russ.)
2. Buslaev F.I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis* [Historical Grammar of the Russian Language: Syntax]. Reprint of the 1858 edition. Moscow, Direkt-Media, 2014, 339 p. (in Russ.)

3. Shahmatov A.A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian Language]. Moscow, URSS, 2001, 624 p. (in Russ.)
4. Stepanov Yu.S. Predikaciya [Predication]. In: *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990, pp. 393–394. (in Russ.)
5. Vygotskij L.S. *Psihologiya* [Psychology]. Moscow, EKSMO Press, 2000, 1008 p. (in Russ.)
6. Leontjev A.A. Smysl kak psihologicheskoe ponyatie [Meaning as a Psychological Concept]. In: *Psihologicheskie i psiholingvisticheskie problemy vladeniya yazykom* [Psychological and Psycholinguistic Problems of Language Mastery and Acquisition]. Moscow, Izd-vo MGU, 1969, pp. 56–66. (in Russ.)
7. Anohin P.K. *Uzlovye voprosy teorii funkcionalnoj sistemy* [Key Issues of the Theory of Functional Systems]. Moscow, Psihologiya, 1980, 216 p. (in Russ.)
8. Shvedova N.Yu. Vhodit li lico v krug sintaksicheskikh kategorij... [Does the Category of Person Belong to the Syntactic Categories Forming Predicativity?], *Russkij yazyk za rubezhom* = Russian Language Abroad, 1971, No. 4, pp. 48–56. (in Russ.)
9. Panfilov V.Z. *Vzaimootnoshenie yazyka i myshleniya* [The Relationship Between Language and Thinking]. Moscow, Nauka, 1971, 232 p. (in Russ.)
10. Babajceva V.V. *Izbrannoe. 2005–2010: sb. nauch. st.* [Selected Works. 2005–2010: A Collection of Scientific and Methodological Articles], ed. by K.E. Shtajn. M., Stavropol, SGU, 2010, 400 p. (in Russ.)
11. *Russkaya grammatika: v 2 t. T. 1* [Russian Grammar: in 2 vols, vol. 1], ed. by Shvedova N.Yu. Moscow, Nauka, 1980. 783 p. (in Russ.)
12. Zolotova G.A. K ponyatiyu predikativnosti [On the Concept of Predicativity]. In: *Teoreticheskie problemy sintaksisa sovremennykh indoevropejskikh yazykov* [Theoretical Problems of Syntax of Modern Indo-European Languages]. Leningrad, Nauka, 1975, pp. 147–154. (in Russ.)
13. Zolotova G.A., Onicenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Nauka, 2004, 544 p. (in Russ.)
14. Kolesnikova S.M. *Funkcionalnaya grammatika: predikativnost, gradualnost, ocenochnost: uchebnoe posobie* [Functional Grammar: Predicativity, Graduality, Evaluativeness]. Moscow, MPGU, 2016, 288 p. (in Russ.)
15. Lomtev T.P. *Osnovy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Fundamentals of the Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow, URSS, 2019, 166 p. (in Russ.)
16. Kuznecov S.N. *Teoreticheskaya grammatika datskogo yazyka. Sintaksis* [Theoretical Grammar of the Danish Language. Syntax]. Moscow, Nauka, 1984, 224 p. (in Russ.)
17. Peregrin J. There is No Such Thing as Predication, *Conceptus*, 2011, vol. 40, No. 97, pp. 29–51.
18. Zhinkin N.I. O kodovykh perekhodah vo vnutrennej rechi [On Code Switching in Inner Speech], *Voprosy yazykoznavaniya* = Issues of Linguistics, 1964, No. 6, pp. 26–38. (in Russ.)
19. Leontjev A.A. *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl, 1997, 287 p. (in Russ.)
20. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl: Logikosemanticheskie problemy* [The Sentence and Its Meaning: Logical-Semantic Problems]. Moscow, Nauka, 1976, 384 p. (in Russ.)
21. Smirnov A.V. Propoziciya i predikaciya [Proposition and predication], *Filosofskij zhurnal* = Philosophy Journal, 2016, No. 1, pp. 5–24. (in Russ.)
22. Luriya A.R. *Lekcii po obshchej psihologii* [Lectures on General Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2020, 384 p. (in Russ.)

23. Tomlin R.S. Focal Attention, Voice, and Word Order: An Experimental, Cross-Linguistic Study, *Word Ord. Discourse*, 1995, vol. 30, pp. 517–554.
24. Myachikov A.V., Shepers K. Rol vizualnogo vnimaniya v vybore struktury predlozheniya pri porozhdenii rechevogo vyskazyvaniya [The Role of Visual Attention in the Choice of Sentence Structure During Speech Production], *Kognitivnye issledovaniya* = Cognitive Studies, 2012, issue 5, pp. 138–159. (in Russ.)
25. Ahutina T.V. Model porozhdeniya rechi Leontjeva-Ryabovoj: 1967–2005 [The Leontiev-Ryabova Speech Generation Model: 1967–2005]. *Voprosy psiholingvistiki* = Journal of Psycholinguistics, 2007, No. 6, pp. 13–27. (in Russ.)
26. Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskuststvo, 1979, 423 p. (in Russ.)
27. Bernshtejn N.A. *Oчерки по физиологии движений и физиологии активности* [Essays on the Physiology of Movements and the Physiology of Activity]. Moscow, Medicina, 1966, 349 p. (in Russ.)
28. Bruner Dzh. Ontogenez rechevyh aktov [The Ontogenesis of Speech Acts]. In: *Psiholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Progress, 1984, pp. 21–50. (in Russ.)
29. Peirce Ch.S. Iz raboty “Elementy logiki. Grammatica speculativa” [From the Work “Elements of Logic. Grammatica Speculativa”]. In: *Semiotika* [Semiotics], ed. by Yu.S. Stepanov. Moscow, Raduga, 1983, pp. 151–210. (in Russ.)
30. Lekant P.A. Bezlichno-infinitivnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke [Impersonal-Infinitive Sentences in the Modern Russian Language], *Otechestvennaya filologiya* = Domestic Philology, 2017, No. 4, pp. 18–25. (in Russ.)
31. Denisova E.P. *Znachenie i smysl predikativnogo otnosheniya (na materiale russkogo, anglijskogo i nemeckogo yazykov)* [Meaning and Sense of Predicative Relations (Based on Russian, English, and German Languages)]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Phylology). Tver, 2013, 19 p. (in Russ.)

Гайдаматченко Андрей Вячеславович, магистр наук, Кафедра лингвистики и межкультур-
ной коммуникации, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
niekwekiewde@gmail.com

Andrey V. Gaidamatchenko, Master of Linguistics, Rostov State University of Economics,
niekwekiewde@gmail.com

Статья поступила в редакцию 17.03.2025. Принята к публикации 07.09.2025

The paper was submitted 17.03.2025. Accepted for publication 07.09.2025